

БУДТО ОРДЕНСКИЕ КНИЖКИ...

Фронтовики получают удостоверения о праве на льготы, предоставленные им постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны». Первые в Ташкенте удостоверения вручил ленинский районный военный комиссар полковник К. К. Кужеков.

Генерал еще не закончил фразу, а я встал над столом и вытащился. — Что вы поднялись? — удивился он.

— Не может быть! — лепечу ему в ответ.

— Что не может быть? — смущаясь генерал, будто все, что он рассказывал, я взял под сомнение.

— Не может быть, что я встретился со своим командиром двиним!

Да, встреча была поистине неожиданной. И случай произошел прямо-таки редкий. Скажите, когда, кому из солдат доводилось засыпать вопросами своего командира?

Только журналистская судьба способна на такие сюрпризы.

Но в ту дивизию, которой командовал генерал-майор Борис Ильинич Кадзилов, меня привела судьба солдатская. Нам, детям фронтовиков, командовали тогда фронтовиков. Они много рассказывали о войне. И, наверно, потому мы так вслушивались в их рассказы, что не каждому удалось услышать о самых жестоких битвах от собственных отцов: не все они вернулись с фронта.

Может, в одни атаки с ними ходили и наши командиры. Может, они у могил наших отцов клялись дратся с врагом до последнего удара сердца.

О своем командире батареи знали много. О командире полка — поменьше. И вот спустя сто лет после того, как снял свою погоны, я слушаю автобиографии нашего командира дивизии. Он, кстати, тоже уже несколько лет как вышел отставку. Но после того, как уволились запас солдат моего призыва, он еще много лет учил пришедших нам на смену повелевать грозным оружием.

Мы встретились за тысячи километров от тех мест, где несли свою воинскую службу. Встретились в кабинете военкома Ленинского района Ташкента полковника Каланегра Кенгиаглиевича Кужекова в связи с очень важным событием в жизни фронтовиков. Им вручили удостоверения на право пользования льготами, которые предоставлены решением партии и правительства с 1 января 1979 года. Генерал-майор Борис Ильинич Кадзилов имеет веские основания получить такой документ в числе самых первых ташкентцев.

Ему бы, как и его предкам, сподобилось возделывать каменистую землю. И он пацаном возделывал ее сначала в юго-осетинской коммуне, а потом в кхазахе, сидевшем на тех землях. Трудная эта работа. Но была необходимость взять на свои плечи еще более трудную обязанность — Родину защищать. И он защищал ее мужественно и умело. Он готовился к ее защите еще в Тбилисском горно-артиллерийском училище. Еще до войны Кадзилов успел покомандовать взводом, а в войну вступил командиром батареи.

Много огненных пунктов войны хранит память боевого генерала. Но есть пункты, которые остались за трубками на теле бойца. Первое тяжелое ранение Борис Ильинич получил под Ельей в августе сорок первого. Осколок вражеского снаряда вывел его из строя. Вывел, да

ненадолго. Уже в ноябре Кадзилов в цепи обороны защищал Москву. А в марте сорок третьего вновь вражеская пуля уложила офицера в госпиталь. Теперь уже надолго. Но только раньше, чем требовали врачи, снял Кадзилов госпитальную пижаму. Потому что воин предстал передо мной в синель.

Он вышел из госпиталя, припадая на клюшку. И так не выпускай же даже, когда выходил на плац, чтобы поставить задачу учебному дивизиону, которым командовал до конца войны в kostromskих лесах.

За тяжелые раны своего командира истинище теперь его питомцы. Сегодня, наверное, как и Борис Ильинич, десятки из них получают одинаковый с ним документ: «Представитель удостоверения имеет право на льготы и преимущества, установленные законодательством Союза ССР и союзных республик для...» и дальше крупными буквами: «участников Великой Отечественной войны».

Не знаю, то ли такая форма установлена, то ли погибристы сами догадались, но здорово, что эти четыре слова набраны крупным шрифтом. Потому что у нас в стране смотрят на фронтовиков, как на людей с большой буквы.

Хотя сами они, необыкновенно скромны и, если уж очень попросят, расскажут о сражении, которое для них произошло будто вчера.

Сидит среди фронтовиков Владимир Ильинич Салов. Сквозь толщу очей зачем-то смотрят вниз. Только к нему одному подошел с удостоверением сам полковник Кужеков. Но, принимая документ, Владимир Ильинич напрягся, оперся на палку, с трудом поднялся и сказал:

— Служу Советскому Союзу!

Вот! Что ты наделаешь с лихим артиллеристом! Ранение и контузия, клюшка и очки — вот что оставила о себе на память. И еще четыре цифры — 2041.

Задайте хоть что вопрос Салову — где служил, где воевал, где ранены, где контузлен: он ответит этой цифрой — 2041. Это номер части, с которой он прошел фронтовыми дорогами. Они для Салова были короткими — уже в боях под Ленинградом закончилась для него война. И все-таки он помнит этот заветный номер, как помнят улицы, где прошло беззатяжное детство.

Вдруг от Ташкента возвалась Родина сержант Владимир Салов. Вздохи Ташкента охаживают сегодня Родину сын фронтовика морской офицера Валерий Салов. Спокойно синевое сердце за отца — потому что устроило заботу о нем государство.

В Ленинском районе Ташкента три с половиной тысячи фронтовиков, которые должны получить удостоверения о праве на льготы. Уже одно совещание с руководителями предприятий, начальниками отделов кадров, военруками прошло в кабинете военкома. Смысль этих разговоров: никого не пропустить, чтобы к себе. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На предприятиях пошли карточки персонального учета участников Великой Отечественной войны. Жажде промыть в них внесут и записи о нуждах фронтовиков.

Каждый из тех, кто получил право на льготы, может перевести поста-

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВЕЛЬЕВ.

И, которых поименно сегодня называют в Ленинском военкомате, три с половиной тысячи. Не так уж много. Тем больше честности требуют с собой. Требуют, но и благодарят за нее.

Кстати, о честности. Недавно пришло в военкомат письмо с детишками, внуками, правнуками и праправнуками Анны Дмитриевны Селезневой. Осенним она, мать погибшего на войне офицера-танкиста, умерла. Одна из последних ее просьб была поблагодарить военкомат за большое внимание, которое было оказано ей при жизни. Именем заботы родowała ее, а не материальная помощь. Родственники выпустили просьбу дважды: в пятидесятилетней Анне Дмитриевне Селезневой и самыми теплыми словами передали ее чувства работникам военкомата.

На честности должна находиться фронтовика или вдову участника войны не только в военкомате. Пусть при встрече с ними расплачется сердце каждого.

Л. САВ